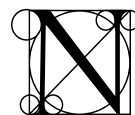

ОСКАР УАЙЛЬД

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111.31
ББК 84(4Вел)-44
У13

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Д. Целовальниковой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Уайльд, Оскар.
У13 Портрет Дориана Грея : [роман] / Оскар Уайльд ; [пер. с англ. Д. Целовальниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-099056-6

«Портрет Дориана Грея» — самое знаменитое произведение Оскара Уайльда, единственный его роман, вызвавший в свое время шквал негативных оценок и тем не менее имевший невероятный успех.

Главный герой романа, красавец Дориан, — фигура двойственная, неоднозначная. Тонкий эстет и романтик становится безжалостным преступником. Попытка сохранить свою необычайную красоту и молодость оборачивается провалом. Вместо героя стареет его портрет — но это не может продолжаться вечно, и смерть Дориана расставляет все по своим местам.

Роман Оскара Уайльда продолжает быть очень актуальным и сегодня — разве погоня за вечной молодостью порой не оборачивается потерей своего истинного лица?

УДК 821.111.31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-099056-6

 Школа перевода В. Баканова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вступительное слово

Художник — автор прекрасного. Цель искусства — раскрыть прекрасное, скрыв личность художника. Критик — это тот, кто способен передать свое впечатление от прекрасного в новой форме или новыми средствами.

Как высшая, так и низшая формы критики — лишь вид автобиографии. Безобразное в прекрасном видят люди испорченные и лишенные обаяния. В этом их ущербность.

Красоту в прекрасном видят люди развитые и утонченные. Для них есть надежда, они — те избранные, для которых прекрасное означает красоту в чистом виде.

Не бывает книг моральных или аморальных.

Книга написана либо хорошо, либо плохо. Вот и все. Нелюбовь девятнадцатого века к реализму — это ярость Калибана, увидевшего в зеркале свое отражение.

Нелюбовь девятнадцатого века к романтизму — это ярость Калибана, не увидевшего в зеркале своего отражения.

Предметом изображения художника может быть нравственная жизнь человека, однако нрав-

ственность искусства заключается в наилучшем использовании не самых лучших материалов. Ни один художник не стремится ничего доказать. Ведь доказать можно даже то, что истинно.

У художника не может быть этических пристрастий. Этическое пристрастие художника является непростительной манерностью стиля. Художник не может быть неестественным или неправильным, потому что вправе выбрать любую тему. Инструменты художника — мысль и слово.

Порок и добродетель для художника лишь материал. С точки зрения формы прообразом всех видов искусства является музыка. С точки зрения чувств — театр.

Всякое искусство есть и образ, и символ. Те, кто вглядывается в глубь образа, идут на риск. Те, кто раскрывает значение символа, идут на риск.

Искусство отображает не реальную жизнь и даже не автора, а зрителя. Разнообразие мнений о произведении искусства показывает, что оно ново, сложно и актуально.

Если критики расходятся во мнениях, значит, художник остался верен самому себе. Можно простить человеку создание вещи полезной, если только он ею не восторгается. Единственный повод для создания вещи бесполезной — страстная любовь автора к своему созданию.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава 1

Студию художника наполняло благоухание роз. Поднявшийся среди деревьев в саду летний ветерок вносил в распахнутые двери тяжелый запах сирени и более тонкий аромат розового боярышника.

Лорд Генри Уоттон, по обыкновению куря бесчисленные папиросы, возлежал на устеленной персидскими чепраками тахте и любовался кустом золотого дождя, чьи подрагивающие на ветру ветви сгибались под весом золотистых соцветий, источавших медвяный аромат и ярко пылавших на солнце; проносившиеся мимо птицы отбрасывали причудливые тени на длинные чесучовые шторы, закрывавшие огромное окно, и создавали кратковременный эффект японской живописи, напоминая лорду Генри о токийских художниках с бледными желтовато-зелеными лицами, которые стремятся придать своим творениям иллюзию динамики, несмотря на непременную статичность живописи. Низкое гудение пчел, деловито сновавших в некошенной траве или с неизменным упорством вившихся вокруг усыпанных золотой

пыльцой цветов раскидистой жимолости, делало тишину еще более гнетущей. Приглушенный гул Лондона вторгался в нее как басовая нота звучащего в отдалении органа.

В центре комнаты на вертикальном мольберте стоял портрет в полный рост юноши исключительной красоты. Перед ним, немного в отдалении, сидел и сам художник, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад вызвало небывалый ажиотаж публики и дало повод самым причудливым домыслам.

Художник разглядывал изящную форму, столь искусно воплощенную им в своем творении, и с лица его не сходила довольная улыбка. Внезапно он вскочил и закрыл глаза руками, будто пытаясь удержать удивительный сон и боясь проснуться.

— Бэзил, на сегодняшний день это твоя лучшая картина, — томно проговорил лорд Генри. — В следующем году тебе непременно стоит отправить ее в галерею Гросвенор. Академия искусств чересчур велика и заурядна. Когда я ни приду, там либо слишком много людей, и я не могу посмотреть на картины, либо слишком много картин, и я не могу посмотреть на людей, что не в пример хуже. В самом деле, Гросвенор — единственное стоящее место.

— Вряд ли я вообще стану ее выставлять, — ответил художник, тряхнув головой в нелепой манере, из-за которой над ним смеялись в Оксфорде. — Нет, никуда ее не пошлю.

Лорд Генри поднял брови и удивленно посмотрел на друга сквозь причудливые тонкие кольца голубого дыма, струившиеся от крепкой, пропитанной опиумом папиросы.

— Никуда не пошлешь? Почему, дорогой мой? Неужели у тебя есть достойная причина? До чего вы, художники, странные! Сперва всеми силами стремитесь к известности, а стоит вам ее добиться, как она уже ни к чему. Довольно глупо, учитывая, что хуже разговоров о тебе лишь их отсутствие. Такой портрет вознесет тебя над всеми молодыми художниками Англии, а старых заставит завидовать, если только они еще способны хоть к каким-то переживаниям.

— Знаю, ты будешь надо мной смеяться, — ответил Бэзил, — но я и правда не могу ее выставить. Я вложил в эту картину слишком много себя самого.

Лорд Генри потянулся на тахте и захохотал.

— Я так и знал, что ты будешь смеяться. Тем не менее это правда.

— Вложил слишком много себя!.. Ей-богу, Бэзил, я понятия не имел, что ты настолько самонадеян! Я не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый, суровый и мужественный друг, и этим юным Адонисом, который словно создан из слоновой кости и лепестков розы. Мой дорогой Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Что и говорить, в твоих глазах светится ум. Однако красота, истинная красота, заканчивается там,

где появляется ум. Уму как таковому свойственно преувеличение, и он способен разрушить гармонию любого лица. Стоит сесть и задуматься, как человек обращается в один сплошной нос или лоб или еще что-нибудь малопривлекательное. Взгляни на людей, преуспевших в своей профессии. До чего они изумительно уродливы! Разумеется, кроме служителей церкви. Впрочем, церковники вообще не думают. Епископ и в восемьдесят твердит все то, что ему велели твердить в восемнадцать, и в результате он всегда совершенно неотразим. Твой таинственный юный друг, чье имя ты так и не назвал и чей портрет меня так восхищает, не думает никогда. В этом я совершенно уверен! Он — прекрасное пустоголовое создание, которое заменит нам зимой цветы, а летом остудит наш пылающий ум. Бэзил, не льсти себе: ты не похож на него ни в коей мере!

— Гарри, ты меня не понял, — ответил художник. — Конечно же я на него не похож! Это я прекрасно понимаю. Да я и не хотел бы так выглядеть. Пожимаешь плечами? Я говорю правду. Физическую и интеллектуальную исключительность преследует некий злой рок, вроде того, который на протяжении всей истории направляет неверные шаги королей. Лучше не выделяться. В этом мире легко живется глупцам и уродам. Расселись себе и наблюдают за представлением. Победа им неведома, но и поражение им тоже незнакомо. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, — без-

мятежно и без лишней маеты. Они никому не причиняют зла, и им никто не вредит. Твое положение в обществе и богатство, Гарри, мой ум и талант, какими бы они ни были ничтожными, красота Дориана Грея — всем нам придется расплачиваться за дары богов, и страдания будут ужасны!

— Дориан Грей? Вот, значит, как зовут юношу? — спросил лорд Генри, подходя к Бэзилу Холлуорду.

— Да. Я не хотел называть его имени.

— Почему же?

— Объяснить довольно сложно. Я не называю имени того, кто мне нравится. Иначе выходит, будто я отдаю частицу его души. Я полюбил скрытность. Пожалуй, сделать современную жизнь загадочной и чудесной способна лишь скрытность. Даже самая заурядная вещь становится восхитительной, стоит начать ее скрывать. Теперь, уезжая из города, я никому не сообщаю, куда отправляюсь. В противном случае теряется все удовольствие. Пожалуй, привычка глупая, однако вносит в жизнь изрядную долю романтики. Думаю, ты считаешь меня чертовски сумасбродным?

— Отнюдь, — ответил лорд Генри, — отнюдь, дорогой мой Бэзил. Ты забываешь, что я женат, а главная прелесть брака заключается в том, что он делает ложь совершенно необходимой для обеих сторон. Я не знаю, где находится жена, жена не знает, чем занят я. При встрече — иногда мы встречаемся, будь то за ужином в ресторане или

в гостях у герцога — мы рассказываем друг другу с самыми серьезными лицами наинесуразнейшие истории. У жены это получается прекрасно — собственно, намного лучше, чем у меня. Она никогда не путается, в отличие от меня. Зато, если ей удастся меня уличить, то сцен она не устраивает. Порой мне даже хочется скандала, но она лишь смеется надо мной.

— Терпеть не могу, когда ты так отзываешься о своей семейной жизни, Гарри! — воскликнул Бэзил Холлуорд, направляясь к двери в сад. — Полагаю, ты прекрасный муж, однако изрядно стыдишься своей добродетельности. Чудак ты человек! Нравственных речей от тебя не услышишь, при этом безнравственных поступков от тебя тоже не дождешься. Твой цинизм — всего лишь поза!

— Безыскусственность — также поза, причем самая досадная, какую я знаю, — со смехом сказал лорд Генри.

Молодые люди вышли в сад и уютно устроились на длинной бамбуковой скамье под сенью высокого лаврового куста. Сквозь глянцевые листья проскальзывали солнечные лучи. В траве проглядывали цветущие маргаритки.

Помолчав, лорд Генри достал из кармана часы.

— Боюсь, мне пора, Бэзил, — проговорил он, — а пока я не ушел, непременно хочу услышать ответ на вопрос, который я задал.

— Какой такой вопрос? — спросил художник, не поднимая взгляда.

— Ты отлично знаешь какой.

— Не знаю, Гарри.

— Тогда спрошу еще раз. Объясни, почему ты не собираешься выставлять портрет Дориана Грея. Я хочу знать истинную причину.

— Я тебе уже объяснил.

— Вовсе нет. Ты сказал, что вложил в портрет слишком много себя. Бэзил, это несерьезно!

— Гарри, — проговорил Бэзил Холлуорд, глядя ему в глаза, — любой портрет, написанный с чувством, это портрет художника, а не натурщика. Натурщик — случайность чистой воды, просто повод. Художник раскрывает не его. Красками на холсте художник раскрывает самого себя. Причина, по которой я не буду выставлять эту картину, в том, что я опасаюсь: не раскрыл ли я в ней тайну своей собственной души.

Лорд Генри расхохотался.

— И что у тебя за тайна?

— Сейчас расскажу, — ответил Бэзил, явно смутившись.

— Бэзил, я весь внимание! — подбодрил лорд Генри.

— Ах, Гарри, тут и рассказывать особо нечего, — ответил художник, — боюсь, ты меня не поймешь. Пожалуй, ты едва ли поверишь.

Лорд Генри улыбнулся, сорвал маргаритку и принялся ее разглядывать.

— Уверен, что пойму, — ответил он, всматриваясь в золотистую сердцевинку с белой оторочкой. — Что касается веры, то поверить я готов во

все что угодно, при условии полной неправдоподобности.

Ветер стряхнул с деревьев несколько цветков, в наполненном упоительными ароматами воздухе закачались тяжелые кисти сирени, усыпанные звездочками соцветий. Возле стены застрекотал кузнечик, мимо проплыла синяя, тонкая как ниточка стрекоза с прозрачными бронзовыми крыльшками. Лорду Генри казалось, будто он слышит биение сердца Бэзила Холлуорда, и он гадал, что же ему предстоит узнать.

— Все проще некуда, — немного помолчав, начал Бэзил. — Пару месяцев назад я попал на светский раут у леди Брендон. Нам, бедным художникам, время от времени приходится появляться в обществе и напоминать публике, что мы не такие уж дикари. В вечернем костюме и при белом галстуке, как ты сказал мне однажды, любой, даже биржевой брокер, способен приобрести репутацию человека цивилизованного. Пробыв в зале минут десять, переговорив с разодетыми в пух и прах пожилыми аристократками и нудными профессорами, я вдруг почувствовал чей-то взгляд. Я обернулся и впервые увидел Дориана Грея. Наши взгляды встретились, и я побледнел. Меня охватил необъяснимый трепет. Я понял, что столкнулся с личностью настолько неотразимой, что если я поддамся, то она поглотит без остатка всю мою сущность, мою душу и мой талант. Ты прекрасно знаешь, Гарри, что по своей

природе я весьма независим. Я всегда был сам себе господин, по крайней мере, до встречи с Дорианом Греем. И тогда... даже не знаю, как тебе объяснить. Внутренний голос мне подсказывал, что я на грани кризиса всей своей жизни. У меня появилось странное чувство, будто судьба готовит мне беспредельные радости и беспредельные муки. Я испугался и бросился к выходу из залы. И подтолкнула меня не сознательность, а трусость. Понимаю, эта попытка бегства вовсе не делает мне чести.

— Сознательность и трусость суть одно и то же, Бэзил. Это лишь название торговой марки. Вот и все!

— Я в это не верю, Гарри, и тебе не верю тоже. Каким бы ни был мой мотив — будь то гордость — ведь прежде я был тем еще гордецом, — я изо всех сил ринулся к дверям. И там, разумеется, наткнулся на леди Брендон. «Неужели вы нас покидаете так скоро, господин Холлуорд?» — вскричала она. Голос у нее необычайно пронзительный, не находишь?

— Да, во всем, кроме красоты, она настоящий павлин, — заметил лорд Генри, ощипывая маргаритку длинными нервными пальцами.

— Я не смог от нее избавиться. Она подводила меня к членам королевской семьи, к чиновникам со звездами и орденами и к пожилым леди в гигантских тиарах и с носами с горбинкой. Отзывалась обо мне как о своем большом друге. Мы виделись с ней всего второй раз, но она вбила себе

в голову, что должна сделать из меня героя вечера. В свое время одна моя картина имела большой успех, по крайней мере, о ней писали в грошовых газетенках, что в нашем девятнадцатом веке означает неувядаемую славу. Внезапно я очутился лицом к лицу с юношей, чья личность так меня поразила. Мы стояли близко-близко. Наши взгляды встретились вновь. С моей стороны это было опрометчиво, и все же я попросил леди Брендон представить меня ему. Пожалуй, в конечном итоге это было не то чтобы опрометчиво — это было неизбежно. Мы заговорили бы даже не будучи представленными. Я в этом убежден. Позже Дориан мне сказал то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено узнать друг друга.

— И как же леди Брендон описала этого удивительного юношу? — спросил его собеседник. — Я знаю, ей нравится давать всем своим гостям краткую характеристику. Помню, подвела она меня как-то раз к воинственному краснолицему господину в годах, покрытому орденами и лентами с головы до ног, и зашипела мне на ухо трагическим шепотом, наверняка слышным всем и каждому в зале, самые ошеломительные подробности. И я сбежал! Люблю разгадывать человека сам. Леди Брендон обращается с гостями словно аукционер с товаром. Либо мигом выкладывает самое сокровенное, либо рассказывает все, кроме того, что тебе действительно интересно.

— Бедная леди Брендон! Гарри, ты к ней слишком строг, — с прохладцей проговорил Холлуорд.

— Дорогой мой, она пыталась устроить у себя светский салон, а вышла заурядная ресторация! И ты хочешь, чтобы я ею восхищался? Лучше расскажи, что она сообщила тебе о Дориане Грее.

— Нечто вроде «Очаровательный мальчик, мы с его матерью были совершенно неразлучны. Совсем забыла, чем он занимается... боюсь, что он... вообще ничем не занят... ах, да! Играет на рояле — или на скрипке, милый мистер Грей?» Мы оба не смогли сдержать смех и тут же стали друзьями.

— Смех — совсем неплохое начало дружбы и лучшее ее окончание, — заметил юный лорд, срывая еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой:

— Гарри, ты понятия не имеешь ни о дружбе, ни о вражде, если уж на то пошло. Ты любишь всех. Иными словами, все тебе одинаково безразлично.

— Ты ко мне крайне несправедлив! — вскричал лорд Генри, сдвигая шляпу на затылок и оглядывая похожие на растрепанные мотки блестящих шелковых нитей легкие белые облачка, неспешно плывущие в бирюзовой глубине летнего неба. — Да, крайне несправедлив. К разным людям я отношусь совершенно по-разному. В друзьях я ценю внешность, в знакомых — характер, а во врагах — ум. Выбирать себе врагов следует особенно придирчиво. Ни один из моих врагов не дурак.